

An abstract painting with a decorative border. The border consists of a repeating pattern of red leaves and black floral motifs on a tan background. The central painting is a vibrant, expressive composition of colors: deep blue, bright yellow, and various shades of pink and red. The brushstrokes are thick and visible, creating a sense of movement and energy. In the lower portion of the painting, there are stylized red shapes that resemble trees or figures, and a black silhouette of a creature with long, thin limbs.

Илона Биллер

Талант

18+

Илона Биллер

ТАЛАНТ

<https://litres.ru/74000053>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это исследование человеческой природы: как мы сохраняем себя в условиях, где личность стирается, а смех может быть единственным способом не сойти с ума. Книга заставляет задуматься о том, что значит быть «нормальным» — и кто, в конечном счёте, вправе это решать... в с.ксе...

Илона Биллер

Талант

Жуткий крик разбудил меня — было около половины пятого утра. Я не сразу поняла, в чём дело: неистовый, немного детский и картавый голос слышался в коридоре отделения.

— Где моя бутылка? Вы выбросили мою бутылку. Я больше не буду, — я больше, я буду хорошо себя вести.

В ответ — молчание. Персонал игнорировал эту женщину — она лежала «на вязках» уже несколько часов и не давала всем спать. Спросонья я уже готова была отдать ей всё, что угодно, даже свою бутылку с водой. Мне было жаль это душевнобольное создание. Я молила, чтобы наступила тишина, но это было невозможно. Яркий свет палаты №4 бил в глаза. Я лежала на животе, скрестив руки на груди и накрывшись с ног до головы одеялом, но ничего не помогало уснуть снова. Жалость и ненависть в одном флаконе.

Крики и стоны были здесь в порядке вещей — из палаты №6 доносился настоящий дурдом, в котором пребывала я. Моё имя вы узнаете в конце романа. Я видела вокруг себя только расплывающиеся пятна.

— Господи, как же я оказалась здесь, разбуженная посреди ночи? — щурясь от яркого света ночника без плафона, я видела вокруг себя только расплывающиеся пятна, так как очки мне выдали только на пятый день (зрение у меня — 8

на обоих глазах). Я находилась в надзорной палате №5.

Как выяснилось на утро, пациентов этого изолятора частенько, если не сказать постоянно, доводил персонал до истерики по любому незначительному поводу: потеря бутылки с водой, несвоевременный приход в столовую или уход, медленное подмывание перед сном, мытьё головы в раковине, плохо заправленная кровать — за любую провинность сразу же привязывали к кровати на полдня или на всю ночь или вовсе оставляли без еды.

Санитары и медсестры любили свою работу. Врачи — другое дело: всегда вежливые, они шутили, подбадривали, искренне интересовались состоянием пациентов, узнавали, какую книгу читаешь, как спишь и что болит. Не зря на сайте эта больница получила пять звёзд по отзывам. Многие называли это место «санаторием».

Соседи по палате шептались: кричавшая ночью женщина попала в автомобильную аварию и теперь живёт в психиатрическом интернате постоянного пребывания, выезжая в «санаторий» каждый полгода на лечение.

Другая дама из палаты №6 умела говорить только слово «мяу» — у неё были коротко стриженные волосы, зубы практически отсутствовали во рту, как и нижнее бельё и халат, когда она выходила в столовую на обед или завтрак. Она смеялась безобразно и противно, время от времени расчёсывая красные бёдра и ягодицы.

Госпожа Лу каждые 5–10 минут подходила к посту мед-

персонала с неизменным вопросом:

— Можно я ляжу? Откройте палату.

В ответ она слышала одно и то же:

— Идите в свою палату!

— Ложись прямо здесь, — как собаке, указывая на место на полу.

Она причмокивала губами и молча уходила в палату или стояла возле закрытой палаты с живописным названием «Сиреневый туман» (в ней стены и шторы были нежно-сиреневого цвета). На первый, десятый или сотый раз — это интересно, на сто первый раз — безразлично.

Бабушка «с чёрной чёлкой» и седой головой, на вид лет шестидесяти, уверяла меня, что медсестры ей подрисовали на лице морщины, пока она спала в первый день пребывания. Когда она поедет домой, то замаскирует их с помощью тонального средства, пудры и румян — она снова станет красивой. На голове у неё был «модный» меховой краб для волос бежевого цвета.

Женщина лет тридцати пяти — сорока с большими коричневыми кругами под глазами раздражающе шаркала тапочками по полу — как ей удавалось, никто не мог понять, ведь она не была беспомощной старушкой. Она работала нянечкой в детском саду. Скоро за ней приедет мама. Дальше она будет под именем «нянечка».

Поселковая больница, по-видимому, носит имя важного и выдающегося врача, который трудился здесь в прошлом.

Она представляет собой длинный, плохо освещённый коридор протяжённостью в половину этажа — розовое здание (не жёлтое!). Двери без ручек, окна с решётками, 6 палат и два изолятора, столовая-холл с плоским настенным телевизором и холодильником с едой пациентов и аварийными выходами на улицу.

Я сразу оценила, как чувственно и поэтично названы палаты и как мило развешены картины: гуашь, акварель и 3D-фотокартины.

Изолятор №1 (без окна, одна кровать) — «Одинокий странник»

Изолятор №2 (без окна, четыре кровати) — «Летучий голландец» (стены ярко-голубого цвета)

Палата №6 (как у Чехова!) — «Голубая лагуна» (нежно-голубые стены, девять кроватей)

Палата №5 (надзорная, двери закрыты весь день) — «Сиреневый туман»

Палата №4 — «Знойная сахара»

Палата №3 (жёлтые стены) — «Медовый спас»

Палата №2 (молочные стены) — «Шёлковый путь»

Палата №1 (VIP-палата) — «Тихая гавань» (белоснежные стены, телевизор, холодильник, четыре кровати). Раньше палата была платной (3000 рублей в сутки). В ней живёт «элита», «местная больничная мафия».

Мне вспомнился смешной анекдот из детства о комиссии в психиатрической больнице:

— Видите во второй палате красные стены?

— Видим.

— А в первой палате какого цвета?

— Зелёного.

— А то, что они ждут, пока «созреют».

Да, смешно. Здесь такого цвета стен нет — это горьковское «На дне», хотя некоторые явные отличия всё-таки есть.

Сегодня двадцать шестой день моего пребывания в этом «уютном», «пятизвёздочном» месте. Все вопросы «как», «почему» и «зачем» — это чуть позже.

А пока ещё один запоминающийся эпизод с третьего дня пребывания в больнице. Молодая симпатичная женщина с

красивой фигурой и лёгкой сединой, я и «чёрная чёлка» сидели в коридоре после ужина и присели напротив второго изолятора. Сидели и беседовали о том, как сюда попали. Она говорит:

— Сижу на кухне, пью коктейль и слушаю музыку в наушниках, муж и сын 9 лет спят. Вдруг на вытяжке, в печке, в холодильнике и в шкафах «увидела» камеры наблюдения и стала от них «избавляться». То есть «словила белочку». Любимый муж вызвал «скорую помощь» и сдал её в больницу, чтобы привели в чувство и прокапали. Вместо этого её обкололи уколами, ставили капельницы и поместили в надзорную палату без права посещения, прогулок и курения на улице.

Итак, сидим мы и «курим бамбук», слушаем «можно я ляжу», слышим голую тётку «мяу», которая носится по коридору, а за ней санитары. Посасываем запрещённые леденцы «Барбарис», и тут я говорю:

— Я как будто в дурдоме! — и начинаю смеяться.

Как вдруг всех «пробило на ха-ха» — мы втроём начинаем смеяться и хохотать от души от увиденного пейзажа, очень искренне, как дети. Минут 5–7 мы не могли остановиться. Нервный, местами истерический смех от усталости, удивления и абсурдности происходящего вокруг. После это-

го так легко стало на душе — свалился камень с плеч.

Через неделю эта женщина отошла от похмельного синдрома и навязчивой идеи тотальной слежки и выписалась домой. Муж встречал её со слезами на глазах. Мы обменялись номерами телефонов, так как сумели «сдружиться», если можно так сказать, за эти две недели. Никто никому не позвонил, естественно.

«Остановись, мгновенье — ты прекрасно» — лозунг романтизма, как говорят романтики. И, конечно, с точки зрения абсурдности ситуации, это не «Один день Ивана Денисовича» Солженицына, не «Устрицы под дождём» Робски — это что-то другое, своё родное.

Но вернёмся к персоналиям, персонажам, «сливкам» местного общества, «фруктам», а не «овощам».

Госпожа Сале, двадцать шесть лет, армянка, с детства в интернате. Она сейчас на очередном «лечении» здесь на шестьдесят дней или чуть больше. Живёт в надзорной палате всё время, не передвигаясь по мере приближения срока в другие палаты из-за своего скверного и скандального характера. Её истории про брата, Афганистан, маму и папу, «золотые горы» каждый раз обрастают новыми подробностями — её показания меняются в зависимости от настроения.

Четыре часа дня — это «святое», почти «сакральное» время. Многие пациенты живут «от полдника до полдника».

Его ждут как рождественское и новогоднее чудо. Тётянки и бабушки радуются как дети. Все собираются в столовой. Две медсестры громко называют фамилии и достают пакеты из холодильника и ящика — это передачи от родственников для пациентов: от торта до копчёной курицы, айрана или колы и квашеной капусты.

Для поглощения даров отводится пятнадцать-двадцать минут максимум. При этом надо успеть распихать по карманам что-то на вечер или утро, так как последний приём пищи — в половине шестого вечера, а завтрак только в половине девятого утра, то есть через четырнадцать с половиной часов.

Ты с жадностью поглощаешь и запихиваешь в рот конфеты, печенья, зефир, йогурт или делаешь бутерброд с колбасой или сыром. Потом под конец — фрукты, чаще всего яблоки или мандарины, под пристальным надзором медперсонала и тех, у кого гостинцев нет.

Обычно они ходят между столами и кланчат: «Дай конфетку, дай банан, дай печеньку или колбасу с паштетом, а лучше вообще раздай всё и всем сразу». И всё равно им бу-

дет мало.

Особо «одарённые» умудрялись пронести в палату палку колбасы «Сервелат» за пазухой, пачки печенья «Юбилейное», тонны яблок и мандаринов, глазированные сырки и пакеты с соком, чаще всего яблочным.

Пациенты или родственники заказывают доставку продуктов из ближайшего магазина «Пятёрочка» на имя, фамилию и номер отделения. Курьер доставляет её на первый этаж, где санитары забирают её в отделение, сортируют на то, что нужно хранить в холодильнике, и на «сухое». Напитки хранятся отдельно.

В выходные запрещённые продукты — копчёную курицу, крабовые палочки или солёные огурцы — съедают сразу на месте. Здесь персонал идёт навстречу и не изымает или выбрасывает ценные продукты. Доставки еды в будни гораздо жёстче проверяются и сортируются.

Обычно мы с девчонками по палате скидывались передачками и делили их на четверых: кушали вначале печенье, закусывали мясной и/или сырной нарезкой, далее «закидываешь в топку» кукурузные палочки со вкусом клубники (я даже не знала до этого месяца, что такие есть вообще), запиваешь это колой и йогуртом.

И уже в палате угощаешься сухариками с чесноком или арахисом с беконом или солью. «Вишенка на торте» — кислые конфеты-подушечки или ленточки «Чупа-Чупса». Идеальное сочетание. Причём никогда ни у кого нет расстройства желудка.

При этом ты знаешь, что успела пронести два зелёных яблока «Гренни Смит» или «Голден», пачку гречневых хлебцов, полпачки конфет-батончиков «Рот Фронт» и сосательные леденцы типа «Барбарис».

Сама я всегда раздавала каждый вечер конфетки тем, у кого не было никогда передачек: бабушке без пальцев, с которой мы играли в шашки, девочке-мальчику Юлиану из интерната и другим — всех не помню, но мне было приятно делать их немного счастливее благодаря карамелькам. Сейчас я вспоминаю их улыбки с теплотой, как будто для них я была Дедом Морозом или доброй конфетной феей. Шутка.

Последнее поедание даров происходит в спешке, когда все убирают мусор со столов за собой, задвигают стулья за собой со скрежетом, протирают сами столы, наводят порядок и маршкет, чтобы как можно скорее услышать желанную команду и фразу:

— Девочки, на ТЕЛЕФОНЫ!!!

Это «золотое» время, когда ты ждёшь весь день, и тебе, наконец, выдают твой телефон и наушники и/или зарядку, и ты ЦЕЛЫХ пятнадцать-двадцать или даже ТРИДЦАТЬ минут звонишь, пишешь, листаешь и серфишь на просторах интернета, как хакер, как сетевой маньяк залипаешь и улетаешь из реальности в идеальный мир фантазий, планов, надежд и грёз.

В этот момент ты чувствуешь себя КОРОЛЕМ МИРА! Ни больше, ни меньше. В этот час — с четырёх до пяти часов вечера — твоя душа вылетает из тела и парит, у тебя вырастают КРЫЛЬЯ.

Проблемы начинаются сразу. Вначале ты судорожно ждёшь своей очереди на получение телефона, потом он включается довольно долго, пока загрузится система, так как каждый день после разговоров нужно отключить питание полностью.

Только когда начинают сыпаться уведомления, сообщения, появляются всплывающие сообщения, всё пикает, звенит и вибрирует, ты понимаешь, что сегодня есть мобильный интернет. Очень часто из-за антидроновой защиты и ПВО он отсутствует, поэтому можно использовать только звонки.

Весь день до получения телефона на руки ты скрупулёзно и серьёзно решаешь, как распорядиться драгоценными минутами...

Для этого нужен талант стратега и менеджера по таймингу и планировщика: сделать два звонка по пять минут или один на десять минут, зайти в приложение банка или заказать доставку еды из супермаркета, зайти в один мессенджер, если он ещё работает на территории нашей страны, или скачать быстро другой. Так много запросов и так мало времени.

Что в итоге? Через десять минут после выдачи заветных гаджетов и смартфонов или кнопочных допотопных начинается, как молитва или призывный лозунг на весь коридор:

— Девочки, начинает сдавать телефоны!

— Девочки, сдаём телефоны!

— Девочки, последний раз повторяю! Кто сдаст последним телефон, завтра останется без звонков!

Подмышки все потные от стресса, напряжения и душевного возбуждения. Это момент наивысшего экстаза, даже оргазм не приносит столько удовольствия, как последние минуты и секунды разговора: пульс учащается, зрачки расширяются, губы пересыхают, и ты их жадно облизываешь, держишь полуоткрытыми. В животе «летают» бабочки. Как пы-

таться наддышаться перед смертью. И это получается. Эйфория на следующие три-четыре часа до отбоя в девять вечера обеспечена. Такой четырёхчасовой полёт души и тела. Ах...

Немного отвлекусь. Сегодня шестое марта. Кому-то из больных мужья или сыновья принесли букет жёлтых тюльпанов — три букета и одну огромную красивую розово-белую розу. Это противоречит всем правилам больницы, но медицинские сёстры тоже люди. Женщина — друг человека. Сердце радуется — даже здесь, даже так. Международный женский день. Как поётся в припеве известной песни: «Жёлтые тюльпаны — вестники разлуки, цвета запоздалой утренней росы, утренней росы...»

Вечер — это вообще радостное время, весёлое и беззаботное, время надежд, свежих эмоций, воспоминаний и высокоинтеллектуальных бесед и не очень с соседями и с самим собой, поедание записочек, обнимашек и поцелуйчиков. Время творчества, игр и время для написания моего открытого романа. Именно в этот день я решила занять себя чем-то, чтобы в психиатрической больнице не сойти с ума — оксюморон.

Ужин всегда вовремя, в шесть часов вечера. Если грохот на всё отделение — это едет еда из подвала. Туда или отсюда. Все безошибочно могут определить закрытыми глазами по

звуку — пустая или полная.

После ужина, примерно до семи часов вечера, начинается «лотерея» — пойдём ли мы на прогулку и курить или нет. Все на «низком старте», как бегуны перед стартом. Все расслаблены и спокойны ровно до команды:

— Девочки, идём курить!

— Девочки, на сигареты!

Заснеженный зимний сосновый лес вдалеке от дороги и цивилизации, в целом, заброшенная усадьба начала позапрошлого столетия — дворянский зимний дом с конюшнями, своей небольшой домово́й церковью, разграбленная после революции и приватизированная большевиками. Рядом построили новый корпус в семидесятых годах прошлого века. Теперь это мой дом на 38 дней.

Сейчас это объект культурного значения регионального значения. Волонтеры и меценаты планируют реставрировать здание усадьбы. Сейчас старое здание на консервации, заколочены окна и двери. Поживём — увидим. Скорее, её ждёт такое же забвение, как и десятки, а может, сотни похожих строений. Наследие «хозяев жизни» прошлого — белой эмиграции после 1917 года.

Большевики любили в таких местах делать склады, больницы и подсобные здания. Отобрать у богатых и раздать бедным и убогим, как мы. Хотя у нашей психушки рейтинг очень высокий по уровню комфортного проживания. Пять звёзд. САНАТОРИЙ. Забор по периметру, посты охраны со шлагбаумами, стоянка для персонала и вековые ели, три площадки для гуляния с детским комплексом, город и развлечений.

Я упоминала, что на втором этаже здесь живут и лечатся дети! Быстро одеться в казённую робу и калоши, шапку и штаны на несколько размеров больше тебя — других нет, взять сигарету или две из пачки с твоей фамилией и закурить, задымить и расслабиться. Такое получается три раза в день. Иногда два или даже раз в день, когда смена попадает противная и вредная. В этом случае нужно часть еды из передачи отдать им, чтобы вымолить прогулку. Вот такое режимное заведение. Каникулы и лечение строгого режима. Имитация бурной деятельности за колючей проволокой и отрезанностью от внешнего мира.

Шашки. Десять-пятнадцать партий подряд без раздумий, машинально и автоматически по щелчку. Ведь надо чем-то заниматься... Это моя страсть. Так же, как и шахматы. Но есть только шахматы и нарды. Книжки, пазлы, «Монополия»?

Нет, его величество «шашки».

Когда смотришь телевизор и каждый вечер канал с женскими сериалами про сказочных принцев на белом коне, то невольно думаешь: «Вот бы сейчас сидела и смотрела, что хочу, дома...»

Утро. Семь часов десять минут. Рассвет, но не над Москва-рекой Мусоргского, а просто над лесом. Сегодня он совпал с подъёмом — жёлтый яркий шар повис над миром. Лёгкие перистые облака небрежно разбросаны по небу. Есть такая примета: после них завтра будет морозно.

Раскачиваясь вперёд-назад и влево-вправо, можно увидеть, как солнце играет между решётками под крики в коридоре. На глаза наворачиваются слёзы от увиденной красоты. Как давно я перестала замечать рассветы и радоваться новому дню — учусь заново.

Ухо заложено, и больно глотать в горле уже неделю или чуть меньше. Здесь некоторые смены снимают даже часы со стены, чтобы время по ощущениям вообще остановилось. Дни считать нужно в уме.

Немного позевав и проведив рассвет, провалюсь в сон до начала девятого утра.

Теперь о снах. Они здесь такие яркие, такие сладкие — отчего, я не знаю, не могу объяснить с точки зрения логики. Чем больше нас унижают, тем выше мы летаем. Снятся сны цветные, на нескольких языках, в том числе на английском — я говорю последние три года ежедневно на нём и думаю как можно чаще.

Бабуля из нашей палаты, лежащая у окна (кстати, это мажорное место), каждое утро и до полудня смотрит и медитирует перед окном, но почему-то с закрытыми занавесками и широко улыбаясь. От неё отказались родственники, признав её недееспособной. Теперь она живёт здесь постоянно. Как это возможно с точки зрения документации и отчётности — не понимаю, даже боюсь представить.

«Да здравствует новый день, обновление в природе и в голове, в мыслях и сознании! „Весна идёт — весне дорогу“, — писал один классик», — подумала я.

«Как легко радоваться простым вещам: чистому, ясному небу, отсутствию прыщей, тёплой водичке в душе...», — сказала «худышка». — «На небе буква „А“». Вся палата подбежала к окну, как будто это чудо из чудес, чудо-чудное.

«Иисус Христос проснулся и нарисовал», — произнесла

она. Снова молчание, мысли про себя в полудрёме. Без очков всё вокруг расплывчатое — только пятно в окне, пятна вместо лиц и в убийственной атмосфере, пятно вместо отражения в зеркале.

«Доброе утро, моя дорогая!» — прозвучало в тишине.

Многие люди пожилого возраста или просто одинокие смотрят в окно вместо телевизора, или у них его может и вовсе нет. В детстве я не понимала, зачем они это делают? Разве интересно наблюдать, как кто-то выносит мусор, как играют дети на площадке, как сидят бабушки на лавочке и общаются, как вдалеке едет машина с надписью «Ozon» или «Яндекс Маркет», кто лезет на дерево?

Здесь «природный» телевизор показывает только заснеженный лес, периметр трёх площадок как в детском саду с заколоченными верандами, заброшенные постройки, вековые сосны и тонкие, стройные берёзки. Картину Левитана «Март» помните? На следы от ботинок на снегу «прощай, молодость» и на неочищенные дорожки.

Тем временем солнце поднимается всё выше и выше, белея. Эдвард Григ «Утро». Та-ра-ра-ра-ра-ра, та-ра-ра-ра-ра-ра-ра-ра-ра... Послушайте и представьте. Этот роман с дополненной реальностью, помимо всего прочего.

«Доброе утро, девочки», — в девятый раз повторила Влах с улыбкой на лице и интонацией призыва для ответа с другой стороны. Ответа не последовало ни от кого.

Я сегодня решила не спать после пробуждения — я ломаю систему, я хулиганка. Не буду спать и всё. День начался. Щурясь от солнца, решаю медитировать, скрестив в позе лотоса ноги в лежачей позе на кровати, дыша диафрагмой.

Вдыхаю глубоко носом и произношу долгий низкий звук «А» на выдохе. Пятнадцать-двадцать раз. После этого с любопытством рассматриваю своё тело, поглаживая: пальцы ног, колени и голени, ступни, проникая каждым пальцем между пальцами ног, глажу родинки.

Ухо до сих пор заложено, другим ухом слышу, как дышу. В разных местах замечаю несколько седых, прямо белых волос. Прикольно, что сказать. Много шрамов на ногах и руках — некоторые уже помню, откуда взялись.

Позитивное, хорошее весеннее настроение в стенах дурдома. А дурдом — это дурацкий дом не в сокращённом варианте или нет?..

Вопрос риторический. Отсюда милая детская причудливая улыбка на моём лице.

— Иди в палату, быстро я сказала! Что, я тебя должна вернуть, если ты потеряла что-то? Буду я ещё с тобой церемониться! Сейчас привяжу! В палату! — дикие вопли и крики в коридоре вдруг стихли.

— Кого это так?

— А это, наверное, новенькую привезли!

В следующий момент с грохотом по коридору проехала знакомая до боли тележка. Она направлялась к нам в столовую. Едет завтрак. Мы проводили её любопытным взглядом, как кортеж президента прям, жадно потирая руки. Хоть какая-то движуха.

После медитации чувствую себя всегда бодрой, спокойной, на всё способной.

Двадцать седьмой день уже... А вдруг будет всего тридцать, а не сорок пять или шестьдесят, не дай бог. Хотелось бы узнать заранее, так как неизвестность угнетает. Сорок пять дней — это минимальный срок для первого раза в данном заведении. Шестьдесят и шестьдесят плюс дней — это для повторного пребывания. Но всё равно у каждого индивидуально: десять, четырнадцать, тридцать два, тридцать восемь,

сорок пять или шестьдесят два, шестьдесят восемь. А сколько будет у меня? Я поделюсь всеобщей паникой с неизменным вопросом: «Сколько осталось?» Я добровольно приехала сюда, и не было ни дня, чтобы я не жалела и не унижала и даже не ненавидела себя за это.

Числа... Мне нравится число 28 и 36. Когда-то я хотела умереть в 28, как Мэрилин Монро, потом выяснила, что она прожила 36. Как Моцарт в 36.

Сажу на кровати и вижу профиль счастливого человека с деменцией, скрестив руки на груди и улыбаясь.

Мир — «в клеточку», друзья — в «полосочку». Известная ироничная фраза. Только здесь друзья не в «полосочку», а в «цветочек», так как больничные халаты: красные, зелёные и синие — с большими цветочными принтами, выцветшими от времени и стирки. Перед комиссией на прошлой неделе нам выдали абсолютно новые зелёные халаты и новое постельное бельё. Всё серьёзно. Финансовая проверка. Учёт бюджетных денег.

Вчера в ночной дреме, полусне, при ярком ночном свете и закрытой двери, я лежала, закрыв глаза и мечтая о многом: о прошлом и невнятном будущем. Хочется проснуться утром, чтобы мама меня разбудила в школу, а занятия отменили из-

за сильных морозов. Или чтобы я оказалась дома на своём диване рядом с детской кроваткой. Но чудес не бывает. Завтра, то есть уже сегодня, в шесть утра подъём со словами: «Девочки, идём в туалет. Просыпайтесь. Через десять минут закрываю все палаты!»

— О, моя любовь ходит по коридору и поёт, — сказала Пышка. И все засмеялись. Это восхищение относилось к аристократке и скандалистке Ал из интерната, певице и дебоширке с закатывающимися глазами без приёма лекарств. Мы ещё встретим её в романе дальше.

Теперь о Пышке. Она любит покушать, точнее, у неё постоянная жажда еды. К тому же у неё есть что покушать в любое время дня и ночи. Она носит высокий хвост на голове и без нескольких передних зубов спереди, хотя это не видно, когда она улыбается. Она «на воле» профессиональный, по её словам, маникюрист, педикюрист и парикмахер — профессионально наращивает волосы и ногти. У неё много клиентов VIP. Она Пышка или даже «мамаша» больше. Здесь она уже в шестой раз приходит в чувство. Естественно, как и все, она попала сюда — посочувствовала подруге, они выпили. Это затянулось на три дня. Сама вызвала «скорую помощь», но потом отказалась ехать и подралась с санитарями, приехала в надзорную палату, на вязках лежала неделю и спала. После ей подбирали таблетки каждую неделю, что-

бы вернуть в человеческий вид. Она любит напевать строчки из песен. Мы сейчас лежим на соседних кроватях и болтаем каждую ночь о важном. Разговоры о важном после полуночи.

— Катя-Катерина, маков цвет, — завела она и сейчас.

Пышка, как заботливая мамаша, пытается всем помочь и всех накормить, даже в ущерб себе. Она всем пихает еду: батончик, огрызок яблока или огурца. Добрая душа. После запоя в последний раз ей показалось, что наступил рай на земле, и нужно всем помогать. Вначале она помогала, теперь ей помогает лечение и помогают врачи.

Мы с Мышкой действительно сдружились. У меня нет подруг вообще и друзей. С ней мы нашли общий язык. Значит, я умею дружить или у меня просто не было выхода. Она будет с нами до конца романа. Пышка просит для меня листочки для записей... А я приношу её еду в халате на вечер и утро, получая половину из них. Ничего личного, только бизнес. Я курьер с азартом, со спортивным интересом. В детстве лет в 10 у меня была привычка лазить по карманам раздевалки в школе и брать себе. Дети есть дети. Тогда смартфонов не было. Но если удавалось раздобыть горсть жареных семечек, которые продавались на улице на развес, то это была настоящая удача.

Итак, «святая» прогулка и курение, даже если притворяюсь, что в затыг.

— Все в шоке из-за тебя, — обрывок песни на музыкальном канале. Стремительно все сбежались в коридор, чтобы по четыре человека зайти в раздевалку, надеть первую попавшуюся чужую одежду по размеру и обувь, почти на время, как в армии, взять свои сигареты (одну или две) и ждать, когда выпустят на улицу, чтобы вдохнуть свежий воздух. Музыкальные фразы: «Солнце уже... я ещё не на ногах», «Дороже золота...»

Сегодня суббота. Должны же выходные отличаться от будних дней. Конечно, да. По второму каналу «Россия-1» идёт весёлая интеллектуальная викторина выходного дня к завтраку «Сто к одному» — это аналог какой-то иностранной игры из девяностых, адаптированной под нас. Эту программу я ещё смотрела в своём детстве, то есть около двадцати пяти лет назад она появилась. Получится ли выпросить медсестру переключить на неё? А вдруг да. Узнаю. Но нет. Привезли новую пациентку, танцующую и целующую всех подряд. Она кружится, почти парит через весь коридор к изолятору. Сегодня суббота будет как будни.

Какое кислое зелёное яблоко, которое мне удалось урвать вчера после полдника и утаить от персонала в тумбочке

«HILFE».

Вернёмся к Пышке. Все её реплики практически всегда о еде, таблетках и о сроке, когда её выпустят. Многие, как она, здесь являются психами «со стажем».

— Сейчас у нас есть половина яблока и шоколадный батончик, и перед обедом — по злаковому хлебцу.

Ура! Ура! Ура! Один ноль в мою пользу. Канал переключён. Счёт двух команд 152:91 после второго раунда. Тройная игра. Вопрос: «Почему водитель автобуса на участке перестал объявлять остановки?» Варианты ответов, открытых на табло участниками: сломался микрофон — самый популярный ответ; забыл и задумался — третий по популярности; уснул — нет такого ответа на табло; охрип и пропал голос — есть; нет пассажиров или едет в депо; изменился маршрут. Всё табло открыто. Игра наоборот. Здесь нужно угадать шестую строчку по популярности, то есть самый непопулярный ответ, по мнению телезрителей. Вопрос: «В каком крылатом выражении есть слово „красный“?» Варианты ответа двух команд: «Долг платежом красен» и «Весна-красна». В русском языке это слово обычно означает не просто цвет, а это синоним слова «красивый». Счёт 547:167. Команда под названием «Гармония» победила. Завтра, в воскресенье, будет снова моя битва за просмотр этой телепередачи. А сей-

час 25 хитов европейского радио. Где реальность, а где нет? Как понять, что я жива? Юмор медсестёр и санитаров чернее чёрного — он медицинский. Да чем я вообще занимаюсь? Собираю пазл в тысячу деталей под малоизвестную мне новую музыку, крик и кашель медперсонала.

— Всем надо домой, но нас же не отпускают до завтрашнего утра, — отвечает санитарка бабушке с красными глазами из «Летучего голландца» на пятьдесят пятый раз вопрос: «Где я нахожусь и почему меня не забирают?»

Тейлор Свифт. Каждый раз, когда я вижу её клипы, то вспоминаю кое-кого, кто мне говорил, что я буду такая же популярная, как она через пару лет. «И улыбка, без сомнения, вдруг коснётся ваших глаз. И хорошее настроение не покинет больше вас...»

Залипаю так на рекламу, как будто никогда в жизни её не смотрела. Ещё несколько деталей подошло для замка с мостиками и перилами в лесу. «Think about us...»

С Нового года холодильник для пациентов украшен наклейками с изображением лица и шарфа снеговика. Он находится в столовой рядом с настенным телевизором. В зоне выдачи еды на дверцах наклеены две картинки снегирей, прямо как в детском саду. Мальчик-девочка Юлиан сказал мне,

что он влюблён в это изображение на холодильнике. Иногда он подходит и целует его, желает спокойной ночи.

У меня же словесный поток мыслей, и открылись «шлюзы творчества», как у композитора и пианиста Франца Листа во время путешествия по Италии от новых приключений и природы. Его трудом были музыкальные заметки «Годы странствий»,.. А мои — эти. Музыка — жизнь моя, душа моя. Ей я отдала тридцать лет своей жизни. Написано около семидесяти песен, выучено море фактов, прочитаны тысячи биографий, переиграно большое количество разных по стилю произведений. Это мой отдых и смысл жизни, отчасти. И это не только классическая западноевропейская музыка, но и восточная, и джаз, и популярная современная музыка, и рок, и метал. Любая музыка — если в ней есть смысл и она сделана круто, есть интересная логика мышления в ней.

Мои рассуждения перебил громкий звук — в столовой загремели металлические приборы и посуда. Стекло здесь запрещено. Уже накрывают обед, хотя проезд тележки я пропустила как-то. Все прильнули к окну на двери палаты. Едят в две смены: первая смена — первые три палаты, вторая смена — все остальные, включая изоляторы. Есть отдельный стол для болеющих диабетом людей. У них другое меню. Например, вместо яблочного сока-нектара они пьют томатный сок, вместо риса — гречку или капусту.

«Солнце моё, взгляни на меня...» — строчка из песни рок-группы.

— Ты бы видела меня, когда меня привезли сюда! Я просила сделать мне укол, чтобы провести время в надзорной палате во сне, — смеясь, обратилась ко мне Пышка. Пышка и девушка из первой палаты поцеловались.

— Не могу читать!

— Иди сюда на кровать к нам!

Пышка откусила яблоко.

— Перед этим привозили яблоки сочные такие, а эти рыхлые и с парафиновым налётом.

«Ах, Люба, Люба-Любочка моя...» — снова запела Пышка.

— У меня спелых авокадо — я одно отдам медсестре (она её называла «С тяжёлой судьбой» из-за её взгляда). И они втроём уселись на одной кровати возле входа — Пышка, Крис с манией и раздвоением личности и Лекси лет тридцати с идеальной фигурой и длинными волосами, замужем полгода.

Книги... С какой жадностью я читаю сейчас книги здесь, в неволе. Откуда такая скорость, которой не было даже в лучшие времена учёбы в колледже! Причём жанры и стили диаметрально противоположные: женский детективный роман, французская классика Ги де Мопассана (роман «Жизнь» с двадцать пятой страницы и роман «Милый друг»), русская классика — Пушкин, том первый; советская классическая военная литература — «Как закалялась сталь» Островского, современная русская фантастика, например, Мауберг «Судьба империи», детективы Донцовой, Шиловой, Мариной. Я перечитала всю библиотеку от корки до корки.

Собственно говоря, после прочтения уже не первый раз Мопассана, я решила писать РОМАН. Я вспомнила его судьбу. Два его романа я прочла, будучи в одиннадцатом классе по предмету «Мировая художественная культура». Здесь я начала читать с того момента, как Жанна уже неудачно вышла замуж за первого встречного, который женился на её деньгах. А по роману «Милый друг» я писала сочинение на тему: «Так ли уж мил милый друг?» Ответ очевиден. Милый друг вовсе не мил.

— Я как бабка старая здесь, — решила Пышка. — Сейчас заправлю кровать и попою водички.

— Какая жесь творится в туалете.

— Когда тебя выпишут?

— Откуда я знаю! Иди отсюда с такими вопросами.

— О, кому-то принесли цветы.

В книгах всегда есть милые послания в виде, например, списка покупок или адреса и телефона, гневное послание о ком-то или, наоборот, — любовное, вопросы, которые нужно обговорить с родственниками. Все написаны карандашом или ручкой очень коряво — видимо, руки трясутся.

— Давай сделаем масочку для лица.

— Давай.

Пышка выдавила мне на палец горошину маски с запахом черники и банана. Запах восхитительный. Хочется прям скушать. Нанесу её лучше на руки.

Мудрость из книги «Мужья и любовники» К. Винзор от неизвестного автора, написанная на форзаце. Она гласит: «Высшее проявление разума — признать, что есть бесконечное множество вещей, его превосходящих», — Блез Паскаль. Знаки препинания — авторские.

Роман «Trust me» Дж. Феник начинается сразу с двадцать первой страницы, но это совсем не портит и не мешает понять сути в дальнейшем. Прочитала захлёб за два дня и

несколько часов после отбоя.

- Два часа до сладостей.
- Хорошая мотивация.
- Ну как там папаша?
- Ждёт меня с нетерпением.

«Фарида, Фарида на кануне Рождества», — строчку из песни снова переделала Пышка и запела после прогулки и курения в обед.

— Девочки, желаю вам счастья и здоровья, — сказала толстая санитарка нам. — Посмотрим, через сколько снова сюда попадете!

Мне вспомнилась песня на обратном пути после курения: «С чего начинается Родина? С картинки в твоём букваре. С хороших и верных товарищей, живущих в соседнем дворе. А может, она начинается с той песни, что пела нам мать. И с... у нас никому не отнять. С чего начинается Родина?» Она из легендарного советского фильма «Офицеры».

— Фарида хочет себе жениха найти. Бедный мужик — с такой сразу с ума сойдёт, — это был ответ Пышки на её крик в коридоре.

Книги поглощались мной с такой быстротой, стремитель-

ностью и жадностью, потому что с соседями о чём-то поговорить долго, продуктивно или серьёзно не получается, и в целом это занятие нелогично. Из тридцати книг я прочитала все двадцать девять. Только Стругацких не стала даже начинать. Часть книг имела купюры, как я уже говорила ранее — отсутствовали страницы в конце и начале, так как бумага шла на записки друг для друга и обмена телефонами. Эту книгу держала у себя Юлиан. Я и не пыталась её попросить или взять. Зачем?

В изоляторе №1 «Одинокий странник» поступила бабушка с перемазанной головой, сгорбленная, с большой головой и проплешинами в волосах. Она всё время сидела и читала книгу нестандартного формата с большим шрифтом — видимо, книга приехала вместе с хозяином. Я осмелилась зайти и спросить, что она читает.

— Я читаю Евангелие.

— Понятно.

— А чьё Евангелие? От кого? Их же сорок четыре, а канонизировано только четыре: от Иоанна, от Матфея, от Марка и от Луки. Книга была старинная. Мою книгу при приёме не дали — «Сагу о Форсайтах» Голсуорси в оригинале, а этой можно, пожалуйста, читай сколько влезет. Я вообще когда-нибудь её дочитаю или нет? После публикации романа.

— Давайте тапки уберём с пола — сейчас будут мыть пол.
— Давай.

— Мой муж говорил перед свадьбой, что ты не будешь работать, не будешь ни в чём нуждаться. А теперь гонит меня на работу! — читая «Гарри Поттера», сокрушалась Лекси.

— Будь независимой, правильно, и забери свои тридцать тысяч за аренду квартиры, — советовала Пышка.

Стук в дверь из соседней комнаты в дверь между палатами. От нас ответа не последовало. Хотя легко можно переговариваться через замочные щели. Почему нет? Сейчас не было желания.

— Я пила мелаксин (мелаксен?) после рекомендации в институте психиатрии, большую дозу. И сразу столько мыслей, так мозг быстро работает. Мысли обретают форму. Фильм «Секрет». Ещё до того момента, как мой сын будет отличником, мне ещё жить и жить. «Значит, будем дольше жить, значит...» Опять строчка из песни.

— А ты училась в техникуме или колледже или институте?

— Да, училась в колледже, потом в первом институте, потом во втором, потом в третьем. Я даже подготовила доку-

менты в аспирантуру на религиоведение. Думала, что в декрете буду писать диссертацию и сдам кандидатский минимум. Я сама от себя в шоке, — засмеялась я.

— Я тоже в шоке, офигеть.

Наступило молчание. Информация получена, но не обработана собеседником.

Теперь я понимаю Шуберта как никогда. Когда есть вдохновение, а записать мысли некуда, нет бумаги. Нужда заставит — будешь писать на клочке бумаги. Двадцатая страница у меня — это половина тетради в клеточку, исписанная с двух сторон. Опять звенящая тишина. Только кое-где храп и стойкий запах хлорки после уборки в палате.

— Я эту тётку отхерачу в следующий раз шваброй за такое! — прокричала санитарка в коридоре. Неясно было, о ком шла речь и по какому поводу.

Время сегодня так медленно тянется. Особенно это чувствуется, если то и дело смотреть на стрелки часов. Оно просто останавливается тогда. Время, фильм «Время». «А что я там делать буду?», «А что ты здесь делаешь?» Вспомнились цитаты из культового фильма нулевых «Брат-2».

— Сегодня седьмое число?

— Да, седьмое марта две тысячи двадцать шестого года, суббота.

«Тихий час» с половины второго до четырёх начался в два часа, сразу после прогулки и курения. Но с надзорной палаты кто-то явно перед этим хотел пойти прогуляться, но, к сожалению, это невозможно. В ответ только: «Иди ложись, отдохни». И этот кто-то лёг и успокоился. Смирился.

Пышка снова встала с кровати и взяла пилку на 180 и начала себе пилить ногти, перед этим долго объясняя всем, какой жёсткости бывают профессиональные пилки, которые использует она в работе. Как она пилила... Как она пилила покрытие гель-лак или наращённые даже, я не представляю. Под ноль. Профессионал, одним словом.

— Три часа, без пяти, — снова плюхнулась она на кровать. Я, лёжа поверх расправленной кровати, закрыла на время глаза, чтобы время прошло быстрее, но вдруг решила через несколько минут выйти в соседнюю палату, чтобы попросить листочек у кого-нибудь. Мне дали несколько небольших.

— Мужчина на посту!!! — Реакции не последовало ни от кого. Я сидела и строчила на кровати, запрокинув ногу на ногу, и разминала лицо, как будто поласкаю в воздухе рот, из-

редка надувая щёки и выпуская воздух. Мыслительный процесс не прекращался. Ниже падать уже было некуда. Свяодно-несвязная речь. После двух недель мой нос, наконец-то, задышал и перестал кровоточить, вызывая у меня шок. И этому нужно было радоваться, и я так и делала. Но ухо, тем не менее, всё ещё то закладывало, то нет.

HILFE. Помощь по-немецки. Так странно, что тумбочки носят такое название. Даже в психушке без немцев не обойтись? Занятно, однако.

— Я так устала от этой кровати! И от этой обстановки. Лежать здесь, — жаловалась Пышка. — Во вторник будет понятно, выпишут меня или нет на следующей неделе. Помоги мне посчитать с тринадцатого января шестьдесят дней.

— Так, получается одиннадцатое, двенадцатое, тринадцатое, четырнадцатое и пятнадцатое, — я загибала пальцы в воздухе и подняла глаза вверх. — Пятнадцатое марта — это ровно шестьдесят дней! Это воскресенье. Значит, выпишут в понедельник шестнадцатого марта. В понедельник утром, — после недолгих подсчётов я пришла к такому выводу.

— А могут выписать и в пятницу.

Мы снова обдумывали план, как в полдник пронести что-

то вкусненькое в палату на вечер и утро. Решили: все скидывают мне, а я за несколько раз приношу это в палату под предлогом взять БУТЫЛКУ С ВОДОЙ.

— На меня все санитарки и медсестры смотрят, а на тебя нет. Поэтому всё передаём тебе, как обычно. Я дам тебе пачку хлебцов, два банана и два яблока на утро. Я в жизни своей столько яблок не ела.

— Нет, стой! Меня привезли сюда с тринадцатого числа на четырнадцатое января. В январе — тридцать один день, значит, семнадцать дней и двадцать восемь дней в феврале. Итого сорок пять дней. Ну да. Получается, что шестьдесят дней будет пятнадцатого марта в воскресенье. Да, — вдруг снова заговорила Пышка, уговаривая себя и окружающих.

— Да, всё верно.

Это тоже была жизнь, тюремная надзорная жизнь. «Жизнь, жизнь, жизнь, — пропела я строчку из песни про себя. Только мелодию из трёх нот. «Не тебя так сильно я люблю, — а это уже строчка из моей первой песни „Не тебя“! Вспомнилось. „Не для тебя красы моей... Люблю в тебе я прошлое страданье и молодость погибшую мою. Когда порой я на тебя смотрю — в твои глаза, вникая долгим взором. Таинственным я занят разговором, но не с тобой я сердцем го-

ворю“». Сердце обливается кровью, словно слезами. Стихи русского поэта с французскими корнями Лермонтова, положенные мною на музыку с помощью искусственного интеллекта и немного моего естественного. Мой маленький хит в си миноре. Это тональность смерти по барочной семантике. Какое было время золотое, когда целыми днями можно было валяться, сочинять песни и стихи на разных языках. «Куда, куда? Куда вы удалились? Души моей златые дни», — из оперы Чайковского «Евгений Онегин» на стихи Пушкина. Пою. Столько было планов, надежд, амбиций и мечт... «Куда?»

Как у всех — ушло в никуда.

Мон из первой палаты, мафия (её все называли Моника Белуччи из-за сходства с итальянской актрисой), девушка-женщина лет тридцати с чем-то, повернулась ко мне на дневной прогулке и спросила:

— Будешь докуривать?

— Бери. Я обычно половину только могу курить. Могу тебе оставлять каждый раз, если хочешь.

Ответа не последовало.

Я посмотрела ещё раз на свой «бычок» из тонкой сигаре-

ты с зелёной кнопкой со вкусом «яблоко». Я удачно притворялась, что курю по-настоящему. Особо никто не смотрел на меня — у всех были свои дела и мысли. Кому я там нужна на улице и что я там делаю, курю или притворяюсь — всем было всё равно, по большому счёту. Главное было — попасть на улицу для всех. А дальше — хоть трава не расти.

Вообще с детства не люблю вид курящих женщин!.. А тем более девушек и девочек, как сейчас. Лет в одиннадцать уже какие-то отпариватели или испарители курят.

А сейчас кучка женщин на детской площадке дымили как паровозы.

— А ты у нас на прогулках ловишь «дзен»? — сказала Мон.

Я улыбнулась и молча согласилась с ней.

Зачем я сказала, что у меня был голос?! Его же не было и не будет. Я же нормальный человек. «Мне голос был — он звал утешно... Он говорил: „Иди со мной. Оставь свой край — святой и грешный... Оставь Россию навсегда“», — не помню, чьи это стихи.

Весь длинный коридор озарился ярким дневным светом.

К жёлтым тюльпанам добавилось ещё пять маленьких и одна розовая роза. Это так трогательно — отец и дочь принесли маме цветы на праздник в дурдом. Лечись, смотри и радуйся. Нас не забывай. Оксюморон.

— Я когда на вязках первый раз была, то показала шрам на голове санитарам и говорю: «У меня здесь чип вживлён, и меня Путин слышит напрямую. Если я ему скажу, то вас сразу отсюда вышибут. Вот так я сказала. Вот откуда такие мысли рождаются? У меня носки с дырками свои — я попросила казённые, когда врач придёт на обход», — делилась со мной Пышка.

— А я думаю, что меня скоро выпишут, поэтому даже расчёску не прошу мне привезти! Сейчас уже двадцать девятый день, — смеясь, говорила женщина лет пятидесяти с причёской удлинённое каре. Она была такой позитивной и приветливой, очень лёгкой в общении. Её я назвала Шанель, так как она портниха и классно рисует модели с одеждой, а ещё у неё есть книга «Одри. Мода в кино». Просто феноменально.

— Осталось пять минут. Так кушать хочется. Я возьму с собой водичку и влажные салфетки для курицы, — говорила Лекси Пышке.

— Мне эта копчёная курица вот уже где! — Мон показала

двумя пальцами возле челюсти. То есть она ей надоела.

Началось движение по палатам — все ждали четырёх часов. Шуршание, шёпот, трепет, биение сердец и волнение.

— Там ещё голени и крылья — надо сегодня доесть, — возразила Лекси.

Я, как всегда, буду курьером Пышки. Мне досталось три вафли, пачка хлебцов, восемь печенок и шоколадные батончики. Половину я заработала и ещё половину шоколадки с изюмом и орехами. И снова за работу, за писанину. Заметки и записки.

Сейчас речь пойдёт о том, как сегодня прошло время после полдника (обычно это сок яблочный или яблоко, или запеканка творожная) с половины пятого вечера до пяти ровно.

Как я уже говорила, это время личных звонков, сообщений и извечных вопросов: «Почему ты меня не навещаешь? Когда ты приедешь? Ты приедешь в воскресенье?» Кто-то отчаянно играет на телефоне, кто-то просматривает видео из TikTok. Все стараются стоять ближе к окну, чтобы сеть была лучше. Но если нет мобильного интернета ни у кого, это делать бесполезно, хотя многие этого не могут понять. Нет,

значит нет. На это время столовая превращается в большой базар или шумный вокзал.

Настоящие «золовкины посиделки» устраиваются после ужина двух смен перед вечерней прогулкой и курением на диванчиках между первой и второй палатой.

Она начинается — старая песня о главном.

— Спорим, что мы не пойдём гулять? Некому вести сегодня. Все заняты, — Пышка зевнула.

— Если пойдём, ты spoёшь на всю улицу: «Расцвети яблони и груши, поплыли туманы над рекой. Выходила на берег „Катюша“, на высокий берег на крутой...», — предложила собеседница.

— Договорились, — согласилась Мон. И она спела!..

* * *

«ВОСПОМИНАНИЯ АФРИКАНСКОГО СТРЕЛКА»

«Алжир — город весь белый...» — написал он, но дальше этого дело не пошло. Память вновь нарисовала перед ним красивый чистенький городок, ручейками домов с плоскими кровлями сбегаящий по склону горы к морю, но он не находил слов, чтобы передать виденное и пережитое. После дол-

гих усилий он прибавил: «Часть его населения составляют арабы...» Потом швырнул перо и встал из-за стола...

«Дорогой Анри, ты хочешь знать, что такое Алжир? Изволь, ты это узнаешь. От нечего делать я решил посылать тебе из убогой мазанки, в которой я обретаюсь, нечто вроде дневника, где буду описывать свою жизнь день за днем, час за часом. Порой он покажется тебе грубоватым, — что ж, ведь ты не обязан показывать его знакомым дамам...» Она остановилась, чтобы зажечь потухшую папиросу и тихий скрип гусиного пера тотчас же прекратился. — Давайте дальше, сказала она. «Алжир — это обширное французское владение, расположенное на границе огромных неисследованных стран, именуемых пустыней Сахарой, Центральной Африкой и так далее. Алжир — это ворота, прекрасные белые ворота необыкновенного материка. Но сперва надо до них добраться, а это не всякому способно доставить удовольствие. Наездник я, как тебе известно, превосходный, я объезжаю лошадей для самого полковника. Однако можно быть хорошим кавалеристом и плохим моряком. Это я проверил на опыте. Помнишь ли ты полкового врача Сембрета, которого мы прозвали доктором Блево? Когда нам до смерти хотелось отдохнуть сутки в госпитале, в этой земле обетованной, мы отправлялись к нему на прием. Как сейчас вижу его красные штаны, его жирные ляжки, вот он сидит на стуле, расставив ноги, упираясь кулаками в колени, — руки дугой, локти на отлете, — вращает

круглыми рачьими глазами и покусывает седые усы. Помнишь его предписания: — У этого солдата расстройство желудка. Дать ему рвотного номер три по моему рецепту, затем двенадцать часов полного покоя, и он выздоровеет. Рвотное это представляло собой сильно действующее, магическое средство. Мы все же принимали его, — другого выхода не было. Зато потом, отведав снадобья доктора Блево, мы наслаждались вполне заслуженным двенадцатичасовым отдыхом. Так вот, милый мой, чтобы попасть в Африку, приходится в течение сорока часов испытывать на себе действие другого, столь же могущественного рвотного, составленного по рецепту Трансатлантической пароходной компании».

Госпожа Форестье потирала руки от удовольствия. Она встала, закурила вторую папиросу, а затем снова начала диктовать, расхаживая по комнате и выпуская сквозь маленькое круглое отверстие между сжатыми губами струйки дыма, которые сперва поднимались столбиками, но постепенно расплзались, расплывались, кое-где оставляя прозрачные хлопья тумана, тонкие серые нити, похожие на паутину. Время от времени она стирала ладонью эти легкие, но упорные штрихи или рассекала их указательным пальцем и задумчиво смотрела, как исчезает в воздухе перерезанное надвое медлительное волокно еле заметного пара. Дюруа между тем следил за всеми ее жестами, позами, — он не отрывал глаз от ее лица и тела, вовлеченных в

эту пустую игру, которая, однако, не поглощала ее мыслей. Теперь она придумывала дорожные приключения, набрасывала портреты вымышленных спутников и намечала интрижку с женою пехотного капитана, ехавшей к своему мужу. Потом села и начала спрашивать Дюруа о топографии Алжира, о которой не имела ни малейшего представления. Через десять минут она знала ее не хуже Дюруа и могла продиктовать ему целую главку, содержащую в себе политико-экономический очерк Алжира и облегчающую читателям понимание тех сложных вопросов, которые должны были быть затронуты в следующих номерах. Очерк сменился походом в провинцию Оран, — походом, разумеется, воображаемым: тут речь шла преимущественно о женищинах — мавританках, еврейках, испанках. — Читателей только это и интересует, — пояснила 2-жа Форестье. Закончила она стоянкой в Сайде, у подножья высоких плоскогорий, и поэтичным, но недолгим романом унтер-офицера Жоржа Дюруа с одной испанкой, работницей аинэльхаджарской фабрики, где обрабатывалась альфа. Она описывала их ночные свидания среди голых скалистых гор, оглашаемых лаем собак, рычаньем гиен и воем шакалов. — Продолжение завтра, — весело сказала 2-жа Форестье и, поднимаясь со стула, добавила: — Вот как пишутся статьи, милостивый государь. Соблаговолите поставить свою подпись. Дюруа колебался. — Да подпишитесь же! Он засмеялся и написал внизу страницы: «Жорж Дюруа».

* * *

Тем временем добавился ещё один букет тюльпанов на посту медсестёр — теперь две большие вазы и микс из красно-белых тюльпанов с одной розой — всё вместе. Этюд, натюрморт в красно-белых тонах... «Королева Изабелла не хочет умирать» — акrostих из курса «История и культура Испании» университета, 2012 год.

Первые две палаты — «Тихая гавань» и «Шёлковый путь» — это местная мафия, то есть люди, которые попадают сюда на протяжении многих лет. С ними считаются пациенты, и им доверяет персонал под конец срока, чтобы наставлять новеньких. Как я оказалась в их числе практически сразу, я не знаю.

В первый день, когда я ходила вдоль стенки и падала на каждом шагу, ко мне подошла Крис и спросила:

— Тебе сколько лет? Мы тут местная мафия двадцатилетних. Если тебя будут обижать, скажи мне.

— Мне тридцать семь.

— Ничего себе! А выглядишь максимум на двадцать шесть.

— Спасибо, — улыбаюсь я. — Хорошо, обращусь.

И она действительно сдержала слово. На следующий день в лотке с сигаретами и вейпами появилась пачка «Некст» с моим именем. Я официально могла теперь выходить гулять. Ура! Мы стали дружить и дружили до конца срока, пока их не выписали шестнадцатого числа, в понедельник: я, Крис, Лекси и Пышка.

Только на пятый день моё состояние стабилизировалось. Что было в первую неделю, я плохо помню, но я точно поняла, что, если я не буду вечером есть, я всё равно буду голодной до девяти утра. Ешь ты или голодаешь — здесь никого не волновало. Если бы я не стала есть, как решила первым делом, то мне бы запихивали ложки каши в рот насильно. Поэтому я решила есть, решила жить по правилам, чтобы потом от этих жёстких правил отойти ради благ цивилизации. Я не выздоравливаю — я просто живу по больничным правилам.

На третий день я ещё заявила санитарам при очередном обмороке в коридоре с кафельным полом:

— Не делайте из меня овоща, прошу вас!

— Здесь не овощебаза тебе, — был ответ. Достойный ответ. Что сказать... Нечего.

Так хочется жить, когда есть что терять, как выяснилось. Все мои суицидальные мысли куда-то улетучились. И мои восемь попыток привлечь к себе внимание — покончить с собой, прыгнув с балкона... Где они? Лечение изоляцией работает, получается?! «С волками жить — по-волчьи выть», «человек человеку — волк»...

Бабуля М. неплохо играла в шашки и шахматы (с её слов) и много читала, как я. Любила курить, но к ней никто не приезжал и не привозил сигареты, а из общака ей не давали, потому что она всё делала медленно, и никто не хотел брать её на улицу и брать за неё ответственность. Мы сразу нашли общий язык. У неё такая красивая сеть морщин на лице — я хотела бы такую же через сорок лет. «Не буду мазаться кремом никогда», — подумала я. Я подкидывала ей конфетки и сигаретки — в ответ она занимала мне очередь за таблетками. Очень мило.

Её сын в последний раз по пьянке отрубил ей две фаланги пальцев на правой руке — среднего и безымянного. А почему её забрали в психушку — это вопрос хороший, но странный. Её пальцы были перемазаны красным медицинским раствором — я забыла, как он называется. Она так лов-

ко при этом переставляла шашечные фигуры!

В детстве я была с мамой на протезном заводе — могу сказать, что этим меня не удивишь. Я такого там насмотрелась, что мне хватило впечатлений на всю жизнь: люди без ног, без рук жили нормальной полноценной жизнью. А я, со здоровой головой, ногами и руками, живу так, как сейчас... Видела бы сейчас моя мама меня... Хорошо, что она не дожила до этого момента.

Как ей было тяжело без здоровой ноги вырастить троих детей с пьяницей-мужем и одинокой больной мамой-инвалидом... А мне сейчас нужен психолог, психиатр, тонны антидепрессантов и присмотр. Сама приехала покорять Москву 16 лет назад и расклеилась. «Не стыдно тебе?» — думаю я. «Стыдно и страшно за своё убожество...»

Как только ты думаешь, что нашла нормального собеседника, случается следующее:

— Как ваши дела?

— Да вот, кто-то взял мою бутылку с водой и заменил её — на этикетке апельсиновый вкус и аромат!

Я замялась, чтобы не засмеяться.

На следующий день я захотела узнать продолжение истории:

— Ну что, нашли бутылку?

— Нет, так и хожу с апельсиновой. А ты всё пишешь и пишешь?

— Да, мне просто нравятся фиолетовые чернила, как в перьевой ручке.

...

Мой золотой мальчик, я так тобой горжусь! Ты прошёл сам уже пять шагов без опоры, сам... Мой сынок...

— Как уснуть сейчас? Ты так много пишешь. Молодец. Я вот тоже напечатала о себе двадцать пять страниц на компьютере, а до этого, как ты, строчила на телефоне изо дня в день. Я хочу свою книгу отдать в тюрьму, чтобы люди поняли: даже если у тебя в жизни случаются страшные вещи, то всегда есть те, кому хуже, чем тебе, и есть чему поучиться. Хотя я сейчас катаюсь по дурдомам. Так себе пример для подражания.

— Да уж... Есть такое.

Бабуля Влаха с жадностью потрясла несколько минут бу-

тылку с водопроводной водой из-под гранатового сока, а затем только отпила, как будто это была газированная вода и она пыталась избавиться от газа. Бутылка была в виде виноградной грозди, словно из-под вина «Изабелла».

В коридоре снова слышатся поздравления:

— Девочки, с праздником!

Это пришла уже другая смена. Сегодня Международный женский день. Ура! Поздравляю нас. Наш день — здоровых и не совсем здоровых женщин.

Почему-то мне вспомнилось детство, когда перед школой сидишь на кухне и завтракаешь, а по радио голос местного масштаба без пяти минут семь говорит:

— Местное время — шесть часов пятьдесят пять минут. Атмосферное давление — семьсот сорок шесть миллиметров ртутного столба. Одиннадцать микрорентген в час. Температура воздуха — минус двадцать три градуса.

Далее идёт пиканье, и включается радиостанция «Маяк». Занятия в школе с первого по одиннадцатый класс не отменяются, потому что не хватило ещё двух градусов ниже нуля для этого. Придётся идти в школу. Семь утра. Разница с

московским временем — плюс два часа вперёд. После этого звучит гимн молодёжи *Gaudeamus* и объявление, что в какой-то колледж идёт набор учащихся. Справки по телефону.

Где-то там, на другой планете, в другом измерении это происходит. Я всегда завидовала заочно этим детям, хотела быть на их месте, чтобы выбрали меня. И меня выбрали через 12 лет. Только уже в университет. И не в один...

Худышка сказала Лекси:

— Смотрю на тебя и вижу Гермionу! У тебя такие же вьющиеся волосы.

Вся палата делает вид, что спит. Сегодня пасмурное небо, серое и спокойное — значит, на улице очень тепло: пришёл циклон. Около нуля или минус три. Весна идёт — весне дорогу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.